

© А.И. ПАВЛОВСКИЙ

tiranosawr@yandex.ru

УДК 140.8

КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНОГО УНИВЕРСАЛИЗМА Ф. ФУКУЯМЫ

АННОТАЦИЯ. В статье обосновывается теоретическая и практическая несостоятельность предложенного Ф. Фукуямой понимания истории как единого общекультурного процесса становления либерально-демократического общества.

SUMMARY. The article offers the reasons of theoretical and practical groundlessness of F. Fukuyama's interpretation of history as a universal cultural process of liberal and democratic society formation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Признание, либеральная демократия, тоталитаризм, менталитет, единство человеческой истории, исторический процесс, тимос, цивилизационный разлом.

KEY WORDS. Recognition, liberal democracy, totalitarianism, mentality, unity of human history, historic process, timos, break in civilizations.

Начиная с конца XIX в. в философии продолжается достаточно бескомпромиссная полемика между представителями цивилизационного подхода к мировой истории и сторонниками исторического универсализма, одним из наиболее ярких представителей которого является Ф. Фукуяма. В своих теоретических построениях он апеллирует к современности, пытаясь показать универсальность человеческой истории хотя бы на этом завершающем этапе. Эта универсальность, по его мнению, заключается в неизбежности победы либеральной демократии во всем мире. А основанием для столь оптимистичного вывода служат как его рассуждения о человеческой природе, так и анализ реального исторического процесса. В отличие от К. Ясперса [1; 228-234] универсальность человеческой природы у него не только постулируется, но и описывается. Основываясь на теоретических находках Платона, Г. Гегеля и А. Кожева, Ф. Фукуяма утверждает, что в основе чисто человеческого поведения лежит «стремление к признанию» со стороны других людей, основанное на тимосе (термин Платона, означающий, по Ф. Фукуяме, оценку человеком собственной ценности).

Именно «стремление к признанию» собственной ценности толкает человека к борьбе за собственные права и за права других людей, с которыми он в той или иной степени отождествляет себя, что в исторической перспективе должно привести к обществу, в котором ценность каждого индивида в максимальной степени признается, а это, по мнению Ф. Фукуямы, именно либеральная демократия. В бурных политических процессах второй половины XX в., связанных с крушением ряда авторитарных режимов, видит этот мыслитель подтверждение собственного тезиса.

Сначала о процессах. Действительно, впечатляющей выглядит глобальная картина либерально-демократической революции, если исходить из панорамы,

развернутой Ф. Фукуямой. Если верить его подсчетам, то количество либеральных демократий в мире изменялось в следующей последовательности: 1790 г. — 3, 1848 г. — 5, 1900 г. — 13, 1919 г. — 25, 1940 г. — 13, 1960 г. — 36, 1975 г. — 30, 1990 г. — 61 [2; 94]. К сожалению, в этой схеме государства, относящиеся к совершенно различным культурам и традициям государственности, приведены в одной куче, что отнюдь не упрощает анализа. Поэтому совершим над пресловутым фукуямовским списком государств небольшую манипуляцию, разделив полный предоставленный массив на региональные группы.

Из списка Ф. Фукуямы к Европе можно отнести 25 либеральных демократий: Швейцария, Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Дания, Италия, Испания, Португалия, Швеция, Норвегия, Греция, Австрия, Германия (она учтена два раза), Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Румыния, Латвия, Литва, Эстония, Финляндия, Ирландия. Если приплюсовать сюда демократии в странах с преимущественным населением европейского происхождения, получим еще 4: США, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Итого 29 государств. Оставим на совести Ф. Фукуямы поспешное приписывание либеральной демократичности некоторым восточноевропейским государствам из этого списка, и сразу же выбросим их из рассмотрения, ибо я полностью готов согласиться с данным мыслителем в утверждении о том, что на данном историческом интервале развития в этих странах продолжается процесс становления либерально-демократического общества как наиболее органичного для Европы.

Перейдем к Латинской Америке, которая представлена в списке 18 странами: Чили, Аргентина, Бразилия, Уругвай, Парагвай, Мексика, Колумбия, Коста-Рика, Боливия, Венесуэла, Перу, Эквадор, Сальвадор, Никарагуа, Гондурас, Ямайка, Доминиканская республика, Тринидад. В них достаточно высок процент европейского населения, но даже это не делает данные государства устойчиво демократическими. Как показывает сама схема Ф. Фукуямы, именно среди этих государств были наиболее сильны колебания между демократией и недемократией на протяжении последнего периода истории. В 1900 г. среди них было 2 демократии, в 1919 г. — 5, в 1940 г. — 4, потом в период всеобщего демократического подъема их число увеличилось в 1960 г. до 11, потом в 1975 г. упало до 4, чтобы затем в 1990 г. вырасти до 18. При этом метания станут еще более заметны, если включить в эту статистику государства, которые на 1990 г. не были демократичными, но были демократичны на предшествующих исторических этапах: Гаити, Гайана, Гватемала, Доминикана, Куба, Панама, Суринам. При этом после фукуямовской «переписи» 1990 г. стали недемократическими Венесуэла, Боливия, Никарагуа. Есть некоторые вопросы и к Эквадору. Да и называть эти государства, демократическими, исходя из их реального состояния в 1990 г., можно лишь с сильной натяжкой.

Во всех них существует сильный межэтнический раскол между потомками европейцев и коренными аборигенами Америки, преодоленный в Северной Америке путем почти полного истребления индейского населения. Поэтому правительства Латинской Америки являются расово-демократическими, то есть распространяющими демократические процедуры (по возможности) только на неиндейское население. Уровень политического самосознания аборигенов, живущих преимущественно аграрным производством в Южной Америке, значительно ниже, чем был, допустим, в урбанизированной и промышленно развитой

ЮАР, а потому преобладание европейского населения удастся обеспечить без демонстративного применения системы апартеида.

Впрочем, в последние годы эта традиция начинает меняться. Индейское население все активнее вмешивается в политические процессы. В Боливии уже избран первый президент — этнический индеец. Индейцы активно давят на политические режимы белых в Гватемале, Эквадоре и Мексике. Не исключено развитие этих процессов и в других странах региона.

В условиях подобного межэтнического раскола существование демократического государства принципиально невозможно. Оно оказывается перед альтернативой: военная диктатура белого меньшинства или правление большинства, которое не будет демократическим просто потому, что индейской культуре Латинской Америки (вспомним государства майя, ацтеков и инков), демократия чужда по определению.

Что это значит, можно убедиться на примере Африки, где демократические институты были фактически свернуты после ухода отсюда европейцев. Любопытно, что в «списке Фукуямы» фигурируют только четыре африканские страны: Маврикий, Сенегал, Ботсвана и Намибия. При этом первоначально уходившие колонизаторы передавали власть демократически избранным правительствам, которые затем как-то трансформировались или были свергнуты.

То же самое произошло и в странах Азии. Демократическими здесь считаются: Турция, Япония, Индия, Шри-Ланка, Сингапур (?), Южная Корея, Таиланд, Филиппины, Израиль, Ливан (?), Папуа-Новая Гвинея. Насчет Ливана и Сингапура — это огромная натяжка. Но остальные не представляют собой существенной части Азии.

И тут мы, наконец, подходим к пониманию главного порока модели Ф. Фукуямы. Количество демократических государств не является показателем развития демократии, ибо важны, во-первых, локализация этих государств в различных регионах планеты, и, во-вторых, реальное количество территории и населения, которыми эти государства управляют. И вот тут выясняется, что картина совсем не так привлекательна, как рисует нам этот либеральный американский мыслитель.

Во-первых, большинство демократических государств — это государства, в которых доминирует европейское население либо за счет своего большинства, либо за счет других методов удержания в своих руках власти. В «списке Фукуямы» из 61 государства таких 48 (Европа, Америка, Австралия, Новая Зеландия и Папуа — Новая Гвинея). Таким образом, мы можем говорить о 13 государствах с неевропейской культурой, ставших на демократический путь. А если поставить под сомнение Ливан и Сингапур, то их останется и вовсе 11.

Во-вторых, если учесть, что большинство колониальных держав мира начала века были демократическими, то распад колониальной системы привел к активному сокращению территории и населения, контролируемых демократическими правительствами. При этом недемократичность режимов в постколониальных странах за редким исключением ничуть не уменьшается, а в ряде регионов (Азия и Северная Африка) даже растет.

В-третьих, нельзя видеть свидетельства роста демократизма в усилении политической борьбы населения против власти в недемократических государствах, ибо такая борьба всегда ведется под привлекательными для населения и миро-

вой общественности лозунгами, но, как показывает практика, демократические повстанцы, выступающие против «авторитаризма», в случае победы являются гораздо меньшими демократами, чем их предшественники (Россия после 1917 г., Куба при Ф. Кастро, Никарагуа при Д. Ортеге, Ирак при баасистах, Иран при «режиме муллократии»).

В-четвертых, нельзя считать свидетельством усиления демократизма и крушение Советской империи, ибо крушение всякой империи сопровождается большим структурным хаосом, который очень похож внешне на демократию, но на самом деле демократией не является. Советский Союз был в целом более демократичным государством, чем современные Узбекистан, Таджикистан и тем более Туркмения. В процессе падения советского режима демократичными стали только государства «европейской ориентации».

Если подытожить все вышеизложенное, можно заключить, что распространение в мире демократии тесно связано с усилиями сообщества европейских стран и распространяется в рамках ареала доминирования европейской культуры, за пределами которой демократия является скорее исключением, чем правилом. Падение коммунизма не привело к значительному росту населения и территорий, охваченных демократическим правлением, в то время как распад колониальной системы привел к значительному усилению недемократизма. Демократия тесно связана с европейской цивилизацией, которая явно тяготеет к ней, в то время как за ее пределами является исключением. Большинство демократических повстанческих группировок позиционируют себя в качестве демократических именно потому, что таким образом надеются заручиться поддержкой Запада в его «крестовом походе» против антидемократизма, но это вовсе не означает их реальной демократичности. Мы видим явное свидетельство существования цивилизационного разлома по этой проблеме, который старательно камуфлируется Ф. Фукуямой в его схеме.

Итак, реальные политические процессы в современном мире не подтверждают модель Ф. Фукуямы. Имеет дефекты и его экзистенциальное объяснение. Концепция «тимоса» наталкивается на проблему объяснения сущности этого тимоса. Человек действительно стремится к признанию. Но, во-первых, совершенно непонятно, к признанию чего он стремится, ибо если мы, вслед за Ф. Фукуямой, заявим, что он стремится к признанию себя в качестве значимого существа, то возникнет вопрос, что именно в себе считает значимым сам человек. Можно, конечно, возразить, что он считает значимым самого себя, но тогда возникнет уточнение нашего вопроса: что есть сам человек для себя, что есть его Я, которое он сам и считает для себя значимым. Без ответа на этот вопрос все рассуждения Ф. Фукуямы кажутся несколько голословными.

В реальности стремление к отстаиванию собственной значимости возникает только в том случае, если эта значимость актуально не признается. Но какую именно нашу значимость может не признавать другой человек? Можно глубокомысленно заявить «свободу», «человеческое достоинство» и т.д., но, как показала философская традиция XX в. (прежде всего, А. Камю, Н.А. Бердяев), «свобода» и «человеческое достоинство» — суть абстрактные понятия, которые в каждом конкретном смысле наполняются своим особым содержанием. Как справедливо указывал А. Камю, раб восстает только тогда, когда принуждение оказывается направленным на нечто значимое для него, что он не может «сдать»,

сохраняя при этом самоуважение. Это нечто определяется его ценностями, это нечто и есть система ценностей, которая выступает в качестве человеческого Я.

Модель Ф. Фукуямы неверна хотя бы уже потому, что ценности человека не являются следствием его рационального выбора, возникновение ценностей суть неотъемлемая часть возникновения человеческой субъективности, которое в таком качестве неотделимо от Я, а потому ценности предзаданы человеку. Человек стремится не к признанию, а к реализации собственных ценностей в своей деятельности, в ходе этой реализации у него и появляется проблема признания, ибо непризнание других иногда способно препятствовать подобной реализации. Только тогда человек и начинает требовать признания.

А ценности до некоторой степени являются принадлежностью культуры, поэтому человек стремится не к признанию себя как такового, а к признанию себя как ментального существа, к признанию своего менталитета и себя как носителя этого менталитета, но это не дает нам право рассматривать человека безотносительно к его ментальным основаниям, что в целом и объясняет нам тот «цивилизационный разлом», который мы обнаружили при анализе практического приложения модели Ф. Фукуямы.

Уже одного этого вполне достаточно чтобы ее, но есть еще и глубинное «во-вторых», которое заключено в том, что логическая схема вытекания демократии из стремления к признанию имеет фундаментальное внутреннее противоречие. Этапы мысли Ф. Фукуямы таковы. Сначала человек стремится к признанию, за которое он готов пожертвовать своей жизнью, проявляя таким образом свою надприродную сущность. Рискнувший и победивший становится господином, а нерискнувший — рабом. До этого места все понятно. Но далее Ф. Фукуяма утверждает, что победивший господин не удовлетворен, ибо он желает признания равных, а получает признание только со стороны рабов.

И вот в этом месте с Ф. Фукуямой согласиться невозможно. Ибо господин получает признание не только рабов, но и других равных себе господ, ибо в обществе «господ и рабов» существует две формы борьбы за признание. Первая заканчивается превращением одного из участников в раба и действительно обеспечивает неполноценное признание. А вторая означает состязание господ между собой и обеспечивает их признание взаимное (рыцарская мораль, рыцарские войны, рыцарские турниры — вот наглядный пример). Именно жесткость моральных рыцарских требований показывает возможность существования внутригосподской морали взаимного признания, ибо она показывает те требования, которым должен соответствовать человек для его признания со стороны других господ. И это признание вполне удовлетворяет господина. Оно значимо именно потому, что для этого господину приходится постоянно рисковать, постоянно подтверждать свой статус, а поэтому и постоянно чувствовать во внутреннем опыте законность этого признания.

Демократическое же признание является псевдопризнанием, ибо не требует от признаваемого реального риска и доказательства своей состоятельности, оно дается каждому только потому, что он является гражданином демократического государства. Оно фактически уравнивает того, кто готов был рискнуть ради признания, с тем, кто рискнуть не готов, и это одновременно девальвирует такое признание для потенциального господина и позволяет потенциальному рабу чувствовать свое самозванничество в качестве признаваемого. Восставший

и победивший раб может считать, что он признаваем по праву, но каждое следующее поколение несет в себе собственных потенциальных рабов и господ, которые уже не сходятся в борьбе, что и приводит к их взаимной неудовлетворенности.

Я уже не вспоминаю о том, что мысль о стремлении каждого человека к свободе, как это блистательно показал Э. Фромм, несостоятельна. Современный потенциальный раб стремится именно к рабству, ибо он кое-что получает взамен свободы — чувство безопасности и гарантии выживания, которые он не может получить в демократическом государстве. Иными словами, в демократии для потенциального господина слишком мало риска, а для потенциального раба — слишком много.

Ф. Фукуяма, таким образом, отталкивается в своем построении от совершенно несостоятельного представления о природе человека, что окончательно дискредитирует все его теоретические выкладки. Попытка использовать анализ современной политической истории человечества и теорию универсальности человеческой природы для обоснования единства человеческой истории оказывается несостоятельной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павловский А. И. Парадокс «осевого времени»: попытка альтернативного объяснения // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 5. С. 228-234.
2. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 588 с.